

Глава 28

Лю Шэн

Осколки людей, где вы спрятаны?

Гу Цянь ещё полчаса назад получил сообщение от Цзи Лююня: тот писал, что везёт домой «добычу».

Он не знал, с кем на этот раз сошёлся Глупый пёс, но велел приводить клиента — лишь бы тот по пути конечности не растерял. Златовласый призрак, получив благословение, с сияющим видом повёл гостя в переулок Уван.

Мужчина средних лет, следуя за проводником, оглядывал обветшалые стены и заброшенные дворы. По мере того как они углублялись в лабиринт переулков, в его душе росло странное, гнетущее чувство, будто его ведут не на консультацию, а напрямик за решётку.

Когда они вошли во двор, Гу Цянь, не поднимая глаз от книги, лежал в массажном кресле.

— Вернулись? — небрежно бросил он.

— Гу Цянь, Гу Цянь! Смотри, я принёс супервкусное желе! — Цзи Лююнь тут же бросился «совершать подношение», не забыв проверить, не остыл ли фруктовый чай под рукой хозяина.

— Свет загораживаешь, — юноша отодвинул чрезмерно ретивого спутника и равнодушно скользнул взглядом по людям у ворот.

Мужчина средних лет был высок и худощав. Глаза его глубоко запали, но надбровные дуги выдавались вперёд, точно острые лезвия ножей. Взгляд был тусклым, лишённым всякого блеска, а тонкие губы застыли в прямой линии, из-за чего уголки рта казались вечно опущенными.

Гу Цянь поднялся и коротко бросил:

— Входите.

Мужчина, явно привыкший к светскому этикету, велел телохранителям остаться снаружи и вошёл во двор один.

— Прошу прощения за беспокойство. Мне порекомендовали вас как исключительного специалиста.

— Ближе к делу, — перебил его Гу Цянь, избавляя от лишних церемоний.

Гость на мгновение замешкался, но Цзи Лююнь ободряюще улыбнулся:

— Не стесняйтесь, говорите как есть. Прямо по существу.

Мужчина представился Лю Шэном, владельцем логистической компании «Сяньма». Его рассказ был краток и сух: сын утверждает, что видел призрака, и теперь отец ищет того, кто сможет изгнать скверну.

— Сначала я думал, что это обычный ночной испуг, но со временем его состояние стало...

«Ночной испуг».

Гу Цянь незаметно вскинул брови, но промолчал. В полночный час, когда Инь в мире сгущается, живые особенно уязвимы для контактов с душами — это и называют ночным испугом. Гость неплохо владел терминологией.

Несмотря на тревогу за сына, Лю Шэн излагал факты чётко и последовательно. Вероятно, сказывалась многолетняя привычка вести бизнес. Лишь когда он описывал симптомы, на лице его проступала неподдельная горечь.

— Цай-цай... мой сын. Его мать рано ушла, мы остались вдвоём. Но с тех пор как он начал твердить об этом призраке, он перестал признавать во мне отца. Бьёт вещи в доме, проклиняет меня.

Гу Цянь, не питая интереса к их семейным драмам, спросил:

— Как именно проявилась одержимость?

— Некоторое время назад он ходил на рыбалку, и после возвращения его как подменили, — Лю Шэн нахмурился, и глубокая морщина прорезала его лоб. — По ночам он разговаривает с пустотой, постоянно рвётся к озеру. Не считите за дерзость, я уже приглашал нескольких мастеров до вас.

— Раз приглашали мастеров, зачем искать кого-то ещё? — Гу Цянь слегка сморщил нос.

Даже на расстоянии он чувствовал исходящий от гостя запах пепла от сожжённых

талисманов. Видимо, обряды в доме проводились чуть ли не ежедневно.

— Те мастера твердили, что это водяной призрак привязался. Но что бы они ни делали, лучше не становилось, — в голосе Лю Шэна проступило отчаяние. — Напротив, ситуация только ухудшается. Иначе я бы не стал так настойчиво искать встречи с президентом Чэном и уж тем более не посмел бы беспокоить вас без официального представления.

Стоило зайти речи о сыне, как владельца компании было уже не остановить.

— В последнее время я почти не бывал дома, всё работа... Виноват, не усмотрел за парнем.

— Раз уж корпорация «Цзинтянь» — такая величина, почему вы предпочли меня, безвестного практика? — прищурился Гу Цянь. — Вы вообще обо мне слышали?

Для человека в беде логично искать помощи в «Цзинтянь», но бросить всё и пойти к некоему «Гу Цяню» только потому, что так сказал встречный, — это выглядело нереалистично.

— Видите ли, — Лю Шэн виновато опустил глаза. — Те мастера, когда у них опустились руки, упоминали ваши имена наряду с президентом Чэном. Сначала я не пошёл к вам лишь потому, что офис корпорации найти проще. Прошу, не принимайте на свой счёт. Это само провидение: я не застал господина Чэна, но встретил вашего друга.

«Друг». Это слово пришлось Цзи Лююню по душе. Он незаметно выпрямил спину.

— Идти напрямую к Чэн Ушэну тоже не совсем верно. В «Цзинтянь» есть отделы для таких дел, владельцу корпорации не пристало заниматься каждым случаем лично.

— Вы искали не просто помощи, — прямо заявил Гу Цянь. — Вам нужна была репутация. Репутация Чэн Ушэна или моя?

Методы «Цзинтянь» славились эффективностью: всё делалось быстро, жёстко и беспощадно. Единственное, в чём юноша и Чэн Ушэн были схожи, — это дурная слава людей, чьи руки не дрогнут перед лицом тьмы.

Лю Шэн вздохнул и признал проницательность собеседника:

— Не стану скрывать: мне нужна жестокость. Мне плевать, призрак это или что-то другое. Оно тронуло моего сына — значит, оно должно быть уничтожено.

В круговороте перерождений даже для грешников есть путь назад. Но полное развеивание души — это окончательное забвение. Это не просто стирание личности, это лишение любого будущего.

— Призрак уже однажды умер, — бесстрастно произнёс Гу Цянь. — Если действовать слишком жёстко, он исчезнет навсегда. Обычно практики не заходят так далеко.

— Ах... Простите, я сорвался, — Лю Шэн, как истинный делец, мгновенно сменил тон на покаянный. — Не гневайтесь, господин мастер. У меня только этот сын. Его мать давно умерла, он — всё, что у меня осталось... Вы понимаете? Я вижу, как он страдает, и не могу ничего сделать. Мне страшно.

Практик Инь спокойно посмотрел на него:

— Не понимаю. Я никогда не был отцом.

— Не судите меня строго, — горько усмехнулся собеседник. — Я человек грубый. Я лишь прошу вас об одном: сделайте так, чтобы эта тварь оставила моего сына в покое. Ему всего семнадцать, скоро выпускные экзамены...

У Глупого пса мгновенно сработал триггер на учебную программу:

— А ваш сын на каком профиле? Физмат или гуманитарный?

Гу Цянь посмотрел на этого недоумка с нескрываемым изумлением, а затем снова повернулся к клиенту. Ему совсем не хотелось браться за это дело: одержимые злобными духами клиенты — это всегда хлопоты и бесконечные разъезды. Раз уж человек пришёл покаяться, можно считать это знаком судьбы, и юноша решил просто порекомендовать пару толковых коллег.

— Прощу вас, мастер, возьмитесь за это лично! — взмолился Лю Шэн. — Я согласен на любые условия.

— Я не... — начал было Гу Цянь.

— Сто миллионов, — веско бросил Лю Шэн.

Юноша замолчал на несколько секунд. Он внимательно оглядел гостя с головы до ног, а затем договорил прерванную фразу:

— ...вас не разочарую.

— Пятая часть суммы — в качестве залога, — Гу Цянь уважал деньги, но имел свои принципы. — Я не стану развеивать душу, если только этот призрак не окажется законченным злодеем. И ещё: вы не должны вмешиваться в процесс.

— Что значит — не вмешиваться? — Лю Шэн нахмурился.

— Меньше расспросов, меньше действий со своей стороны, — отрезал Гу Цянь. — Если для вас это проблема, то те мастера, которых я хотел посоветовать...

— Нет-нет-нет, — поспешно перебил клиент. — Деньги не проблема. Просто то, что вы сказали про развеивание...

— Уничтожить душу — великий грех. Я не стану брать его на себя. Вы готовы нести этот груз? Или ваш сын готов?

Лю Шэн тут же пошёл на попятную:

— Всё как скажете, мастер. Только вылечите его.

— Хорошо, — Гу Цянь вскинул подбородок и замер в ожидании.

Мужчина беспрекословно достал чековую книжку, вписал сумму и протянул листок. Цзи Лююнь услужливо подхватил чек и передал его в руки «достопочтенного Гу Цяня».

Толщина банковского счета всегда прибавляла юноше уверенности. Теперь он был вполне доволен жизнью и даже одарил гостя мимолётной улыбкой.

— Поехали. Посмотрим на твоего сына.

Вилла семьи Лю располагалась в пригороде. В осенних сумерках пятиэтажное здание в европейском стиле отливало серым глянцем. На массивных дверях красовались красные парные надписи, а у порога виднелись следы киновари и благовоного пепла.

Земля была усыпана клейким рисом и медными монетами, в углах громоздились огарки свечей, а над дверным проёмом был прибит персиковый меч. Весь дом был буквально обклеен хаотично развешанными талисманами. Стиль оформления можно было охарактеризовать как «китайско-западный фьюжн на грани безумия».

— Однако, — Гу Цянь не скрыл восхищения масштабом паранойи. — Подготовка впечатляет.

— Когда с Цай-цаем это случилось, я по-настоящему испугался, — смущённо пробормотал Лю Шэн.

Он первым толкнул дверь. Пропустив гостей внутрь, он трижды нажал на ручку, проверяя, плотно ли закрыт замок. Разувшись, он носком ноги аккуратно поправил ботинки, выравнивая их по одной линии.

— Цай-цай наверху, — хозяин потянулся к стене, чтобы поправить висевшую идеально ровно картину. — Я сначала покажу его вам.

Эти движения были машинальными, выдавая многолетнюю привычку к идеальному порядку.

— Цай-цай? — Лю Шэн постучал в дверь на втором этаже. — Это папа.

Изнутри тут же донёсся грохот разбитой посуды.

— Убирайся! Пошёл вон!

Улыбка заботливого отца на лице мужчины застыла, уголок рта нервно дернулся. Его явно задело отношение сына, но в присутствии посторонних он старался держать лицо и вымучил улыбку.

— Он такой в последнее время. Не хочет меня видеть, не впускает. — Лю Шэн провёл ладонью по лицу, скрывая замешательство. — Осмотритесь пока.

Убитый горем отец пытался сохранить достоинство, но выглядел совершенно раздавленным.

— Я хочу поговорить с ним сам, — сказал Гу Цянь.

Тот поколебался, но в итоге кивнул.

— Как пожелаете. Я буду внизу.

Спускаясь, он несколько раз оборачивался на закрытую дверь. Лю Цай, услышав, что гости не ушли, закричал изнутри:

— Я не открою! Никто из вас сюда не войдёт!

Юноша сосредоточился, прислушиваясь. В истеричном крике мальчика за ужасом скрывалась беспредельная усталость. Сквозь преграду двери Гу Цянь чувствовал присутствие Инь, но никакой агрессии или признаков злого умысла там не было. Это явно не походило на «злого духа», о котором твердил Лю Шэн.

— Уходите! Я не открою! — мальчик снова предупреждающе выкрикнул и швырнул в дверь что-

то тяжёлое.

Гу Цянь щелчком пальца направил в сторону замка искру духовной силы. Дверь с глухим стуком распахнулась. В воцарившейся тишине люди внутри и снаружи замерли, глядя друг на друга.

В комнате царил хаос. Стены были увешаны фотографиями из походов, снимками из туристических клубов, а на полках красовались кубки за соревнования по фехтованию. Всё здесь дышало жизнью и говорило о том, как сильно этот юноша любил природу и движение. Но сейчас всё это покрылось слоем пыли.

Возле кровати валялись обрывки разорванных снимков. Лю Цай забился в угол, сжимая в руке осколок стекла. Он с ужасом смотрел на вошедших, не понимая, как им удалось открыть запертую дверь.

— Не подходи! — Он приставил осколок к запястью. Его руки мелко дрожали.

Практик Инь даже не попытался его остановить. Вместо этого он с интересом принялся рассматривать фотографии на стенах.

— Клуб альпинизма... Где это снято? Красивые места.

— ...Гора Сили, — машинально ответил Лю Цай и сам же оторопел от собственной разговорчивости.

— Если честно, — Гу Цянь посмотрел на групповые фото на полке, где юноша выглядел весёлым и открытым парнем. — Если бы мой отец целыми днями притаскивал ко мне толпу людей, чтобы они жгли бумажки и читали заклинания, я бы тоже сошёл с ума.

Рука мальчика с осколком чуть опустилась, но он всё ещё оставался настороже.

— Кто ты такой?

Гу Цянь проигнорировал вопрос и взял в руки связку альпинистского шнура.

— Крепкая штука. Людей удержит?

— Если... если вязать двойной беседочный узел, то удержит, — снова невольно ответил мальчик и тут же раздражённо добавил: — Вас ведь отец нанял, да?

Юноша пропустил вопрос мимо ушей, продолжая вертеть в руках шнур:

— А какой вес он выдержит?

Цзи Лююнь, услышав это, внезапно покраснел до корней волос. Он отвёл взгляд и, запинаясь от предвкушения, прошептал:

— Гу Цянь... Я и не знал, что тебе нравится... подобное.

Практик Инь, увлечённый изучением узла, не сразу понял, о чём тот бормочет, а когда осознал подтекст — резко отбросил шнур в сторону.

— Если ты не замолчишь, я побью тебя прямо здесь.

— Хе-хе, — Глупый пёс лишь глупо улыбнулся.

Лю Цай, наблюдая за этой странной перепалкой, заметно расслабился. Впервые за долгое время кто-то ворвался в его комнату не ради обрядов и молитв.

— Рассказывай, — Гу Цянь пригрозил призраку пальцем, веля помалкивать, и повернулся к мальчику. — Чего ты так испугался?

Едва войдя, он заметил, что все талисманы в этой спальне были предназначены не для изгнания зла, а для удержания души. И эта «душа», а точнее — тонкая нить Инь, едва заметно тянулась за Лю Цаем. Такой ничтожной энергии было недостаточно, чтобы причинить вред живому человеку.

Гу Цянь посмотрел на дрожащие пальцы юноши. Всё стало ясно. Рыбалка — дело такое: если и «поймаешь» что-то не то, значит, этой вещи в воде быть не должно. У обычных водяных призраков тела давно растворились, а эта энергия была свежей. Плоть ещё не успела истлеть.

Он наткнулся на что-то запретное. Гу Цянь пристально посмотрел на тусклую нить Инь.

— Ты... ты не считаешь, что я одержим? — спросил Лю Цай, втягивая голову в плечи, будто ожидая, что в него сейчас швырнут очередным талисманом.

— Я вижу только то, что ты до смерти напуган, — небрежно бросил Гу Цянь. — Одержимые ведут себя иначе.

Он тут же решил наглядно продемонстрировать разницу и указал на Цзи Лююня.

— Обычно это выглядит так. Будто мозги окончательно отказали.

Глупый пёс продолжал блаженно улыбаться. Он даже подался чуть ближе, когда юноша не совсем точно указал в его сторону. Гу Цянь поспешно убрал руку, опасаясь, что тот сейчас вообще на него запрыгнет.

— Итак, почему тебе страшно? — спросил он Лю Цая. — Ты что-то выловил или там, на месте, что-то было?

Мальчик нахмурился и на мгновение скользнул взглядом в сторону. Практик Инь заметил, что каждые несколько секунд тот смотрит в один и тот же угол. Там стояла рамка с фотографией: Лю Цай и Лю Шэн, оба улыбающиеся и счастливые под лучами солнца.

Лю Цай отвёл взгляд и крепко зажмурился, всем видом показывая, что больше не проронит ни слова. Гу Цянь некоторое время изучал его, а затем негромко произнёс:

— Я всё понял.

— Что ты понял?! — мальчик резко открыл глаза, в его голосе прозвучала паника.

Юноша молча направился к выходу. Цзи Лююнь с тоской посмотрел на альпинистский шнур и напоследок спросил:

— Ты на физмате учишься или на гуманитарном?

— На... на физмате, — выдавил Лю Цай.

Цзи Лююнь показал ему большой палец:

— Красавчик.

Лю Цай: «?»

— Глупый пёс! — окликнул его Гу Цянь с лестницы.

— Бегу!

Внизу Лю Шэн распекал прислугу:

— Да что с тобой такое?! Неужели так трудно нормально подать чай? Тебе зарплату платят за то, чтобы ты работала, а не ворон считала!

Женщина стояла, опустив голову, и мелко дрожала под градом окриков. Заметив спускающегося Гу Цяня, хозяин дома мгновенно преобразился. Его лицо озарила вежливая улыбка.

— Мастер, как всё прошло? Удалось поговорить?

Юноша мельком взглянул на служанку и заметил слёзы в её глазах.

— Лю Цай говорит, что видел призрака.

— Мастер, он постоянно это твердит, — Лю Шэн осторожно подбирал слова. — Будто видит то, чего быть не должно.

«То, чего быть не должно?» — мысленно повторил Гу Цянь. Если бы Лю Цай действительно встретил призрака, страх и инстинкт самосохранения заставили бы его искать защиты. Он бы не стал молчать перед тем, кто пришёл помочь. К тому же, судя по его поведению, он даже не осознавал, что рядом с ним кто-то есть. Зато на отца он реагировал крайне болезненно.

Странная парочка. В одном деле один молчит, а другой не договаривает правды.

— Господин Лю, — спросил Гу Цянь. — А вы сами верите в призрака, о котором говорит ваш сын?

Лю Шэн замялся, а затем горько усмехнулся:

— Мальчик с детства был впечатлительным.

Прямого ответа не последовало.

— Значит, не верите, — констатировал юноша. — Но при этом созвали столько людей для обрядов.

В глазах Лю Шэна промелькнула искра тревоги. Он быстро взглянул в сторону комнаты сына и спросил:

— Цай-цай... он рассказал вам что-нибудь ещё?

— Ваш сын сказал, чтобы я отправился на то место, где он рыбачил, — буднично произнёс Гу Цянь.

— Он... Цай-цай это сказал? — Лю Шэн выглядел ошеломлённым.

Он слышал, что юноша вошёл в комнату, но не разобрал слов. Зато после этого сын перестал кричать и крушить мебель. Похоже, перед ним действительно был мастер своего дела.

— То место... — Лю Шэн замялся, будто взвешивая все «за» и «против».

— Можем и не ехать, — первым нарушил молчание Гу Цянь. — Залог не возвращается. Всего доброго.

— Пойдите! — Хозяин виллы, нахмурившись, окликнул их. Он посмотрел на дверь сына и, приняв решение, спросил: — Если вы там побываете... вы сможете избавить мальчика от страданий?

Гу Цянь медленно обернулся. Он просто стоял и смотрел на Лю Шэна, ожидая ответа на вопрос, который оба уже понимали без слов. Воздух в холле, казалось, загустел.

— Я отвезу вас, — наконец устало произнёс мужчина. — Подождите, я распоряжусь насчёт машины.

Когда он отвернулся, в его глазах застыла мрачная тень, под которой страх едва не перерастал в нечто осязаемое.

Машина два часа петляла по горным дорогам, пока не углубилась в самую чащу. Старые деревья по обочинам смыкали кроны, закрывая небо. В тусклом свете по низинам начал стелиться туман.

Тихое озеро лежало в кольце гор. Вода казалась маслянистой, а тёмные водоросли колыхались у поверхности, напоминая бесчисленные руки, манящие за собой на дно. Сами горы, окружавшие водоём, по форме походили на массивный гроб. Вода уходила на запад, три вершины собирали энергию Инь, направляя её напрямик в «врата смерти».

Гиблое место. Идеальный оазис тьмы. И как только рыболовы умудряются забираться в такую глушь?

— Господин Лю, — внезапно спросил Гу Цянь. — Вы ведь очень любите своего сына?

Мужчина не понял подоплёки вопроса, но решительно кивнул:

— Мы — единственные близкие люди друг другу.

— Единственные, — эхом повторил юноша. — То, что за вашим сыном тянется след, — правда. Но он не одержим. И вы это прекрасно знаете.

Лю Шэн выдавил сухую улыбку:

— Простите, мастер, я не совсем понимаю, о чём вы.

Гу Цянь не удивился ответу. Он посмотрел на неподвижную гладь озера и вздохнул:

— Я же говорил: возиться с призраками — дело хлопотное. Ни одной честной души не встретишь.

Собеседник хотел было что-то возразить, но Гу Цянь продолжил:

— Господин Лю, раз уж вы так щедро мне заплатили, дам вам добрый совет: с законом шутки плохи.

Лю Шэн продолжал играть роль «ничего не понимающего отца», и юноша не стал настаивать.

— Рыбаки любят тихие, безлюдные места, где много живности. Знаете, кто ещё питает слабость к таким закоулкам?

Улыбка Лю Шэна окончательно застыла, превратившись в безжизненную маску.

— Не имею представления.

— Неужели? — Гу Цянь усмехнулся. — Убийцы. Для того чтобы спрятать тело, лучшего места не найти.

— У вас специфическое чувство юмора, мастер, — с трудом выдавил Лю Шэн.

Юноша не отступал:

— А вы знаете, что у рыбаков есть три вида «улова»? Третий приз — клочки одежды.

Кулаки собеседника невольно сжались. Его напускное спокойствие трещало по швам.

— Второй приз — человеческие деньги.

Гу Цянь развернулся и в упор посмотрел на Лю Шэна. Каждое слово он чеканил отдельно:

— А главный приз — это то, что ваш сын вытащил из воды, а вы — припрятали.

В его взгляде больше не было праздного любопытства. Только холодный, пронзительный анализ.

— Что именно выловил Лю Цай? Или мне спросить иначе: что вы спрятали? Людей... или осколки людей?

<http://bllate.org/book/15848/1438950>